

Утром в еще окутанных легкой дымкой улочках и переулках столицы вчера еще всюду бушевали слухи, а спустя всего пару дней мир вокруг словно неузнаваемо преобразился.

Едва забрезжил рассвет, как над проспектом Чжуцзюэ стала рассеиваться утренняя дымка. Шумные чайные с раннего утра заполнились бесчисленными простыми горожанами, жаждающими новизны и острых впечатлений. Сказитель ударил по деревянному бруску-синьму и, изливая красноречие словно реку, расписал помощника министра финансов Хэ Чанвэя как человека мудрого, проницательного и абсолютно бескорыстного.

Толпа за столиками затаив дыхание ловила каждое слово, то сокрушенно вздыхая, то одобряюще хлопая в ладоши. В глубине переулков ватаги детворы распевали легко запоминающиеся песенки, и звонкие детские голоса разносились над черепичными крышами.

Всего за несколько дней общественные настроения совершили полный разворот. Прежние обвинения в том, что господин Хэ повязал с влиятельными сановниками и растертал собственное достоинство, бесследно рассеялись, а на смену им пришли искреннее уважение и жалость со стороны всего столичного люда.

Официальные бумаги и судебные мемориалы в Управлении министерства финансов громоздились горами. Хэ Чанвэй стоял у окна, заложив руки за спину и глядя вдаль на суетливую улицу. Проходящие мимо уезда соседи и прохожие останавливались, отвешивали глубокие поклоны и почтительно величали господина Хэ не иначе как живым воплощением справедливости.

Былые холодные и насмешливые взгляды исчезли без следа, а окружающие коллеги теперь приходили за советом с лицами, исполненными глубокого почтения.

Хэ Чанвэй слегка нахмурил брови, и на его одухотворенном лице промелькнуло сложное выражение. Будучи чистым душой книжником, который с детства штудировал труды мудрецов, он всегда дорожил своей репутацией и прекрасно понимал, что общественное мнение подобно свирепому зверю — воду, пролитую на землю, уже не собрать. И все же сейчас пиар-кризис, едва не погубивший его окончательно, под ловкой и властной рукой регента Чжань Сюйтаня превратился в мощную волну всеобщего признания и надежной защиты.

Вспоминая, как несколько дней назад Чжань Сюйтань широким, уверенным шагом вошел в ведомство и, глядя на него сверху вниз своим глубоким черным взором, произнес слова пиар-кризис с таким незыблемым спокойствием и дерзостью, Хэ Чанвэй ощутил, как в груди снова забилося необъяснимое волнение.

Этот облаченный в черно-красные роскошные одежды ван, презрев проклятия и брань всего двора, соткал из столичных нищих, уличных песенок и сказителей плотную, непроницаемую защитную сеть, которая грубой силой вытянула его из бездонной пропасти обратно на вершину облаков.

За этими грязными методами скрывалось столь властное и безраздельное стремление

защитить «своего».

Пока он предавался размышлениям, снаружи раздались размеренные шаги. Черно-красные одежды зашуршали на ветру, и Чжань Сюйтань вошел в комнату, источая ауру человека, привыкшего долгое время занимать высшие посты. Следовавшие за ним стражники благоразумно отступили за дверь, попутно прикрыв ее за собой.

В комнате остались только двое.

Заложив руки за спину, Чжань Сюйтань неторопливой походкой подошел к Хэ Чанвэю и выглянул в оконный проем, устремив взгляд на шумный базар вдали. Его аккуратно подстриженные короткие усы чуть приподнялись, очертив уголки губ в игривой усмешке.

— Господин Хэ, приятно ли вашему слуху то славословие, что несется с улицы? — Чжань Сюйтань скосил взгляд, устремив глубокие глаза на покрасневшие мочки ушей молодого чиновника, а в его голосе прозвучало легкое подтрунивание.

Хэ Чанвэй повернулся, глубоко вздохнул, прогоняя сумбур в мыслях, сложил руки перед грудью и произнес с серьезным видом: — Сегодня я воочию убедился в безграничных возможностях ванной светлости. Уличные слухи в мгновение ока вознесли меня к небесам, и теперь весь город преисполнен благодарности к ванну и мне. Только... не слишком ли опасна эта игра? Если роялисты ухватят нас за хвост, не избежать большой бури.

Чжань Сюйтань холодно усмехнулся, развалился на кресле из палисандра, закинув ногу на ногу, с невероятно непринужденным видом.

— Улики? Если бы я боялся, что они ухватят меня за хвост, то никогда бы не занял это место, — Чжань Сюйтань постучал пальцами по столешнице, извлекая четкий глуховатый стук. — Древние во всем требовали соблюдения законных формальностей, но в нынешние времена косность и следование устаревшим правилам лишь связывают по рукам и ногам. Простому народу вовсе не нужны парящие в облаках святые — им нужны реальные дела, которые позволяют набить желутки и обрести мирную жизнь. То, что я задействовал всех нищих и сказителей столицы — это не создание клика, а точечная коммуникация.

Глядя на уверенный и дерзкий профиль собеседника, Хэ Чанвэй почувствовал, как камень, лежал у него на сердце, наконец-то рухнул вниз.

С того самого дня, как он попал в коридоры власти Великого Ся, те принципы государственного управления и политические интриги, что демонстрировал Чжань Сюйтань, раз за разом переворачивали с ног на голову традиционные феодальные устои. Никаких пустых церемоний — только холодный расчет пользы и вреда да оперирование сухими цифрами; никаких высокопарных рассуждений о великом долге — лишь реальная эффективность и жесткое исполнение законов.

И тем не менее, именно это отступление от принятых догм всего за один день укрепило финансовую власть министерства финансов и толкнуло Новая политика по дороге, с которой уже не свернуть.

— За столь великую милость ванна я буду помнить до конца своих дней, — Хэ Чанвэй опустил взгляд, и в его голосе проскользнула редкая мягкость. — И все же... кое-что не дает мне покоя. Ради чего ванн приложил столько усилий, чтобы защитить меня? Реальная власть в министерстве финансов уже в ваших руках, и во всем дворе не сыщется смельчаков, способных открыто пойти против ванна.

Услышав это, Чжань Сюйтань поймал в глубине глаз вспышку жаркого пламени. Он медленно поднялся, и его высокая, статная фигура, источающая мощное давление, стала неумолимо приближаться.

Длинный палец приподнял подбородок Хэ Чанвэя, заставляя того поднять голову и прямо встретиться с ним взглядом. Короткие жесткие щетинки легко скользнули по гладкой коже щеки юноши, вызывая легкую дрожь.

— То, к чему я стремлюсь — вовсе не скромный императорский двор, — Чжань Сюйтань наклонился ближе, а его низкий, хриплый голос наполнился колдовскими магнитными нотками. — Мне нужна эпоха великого процветания с чистыми реками и мирным небом, я хочу полностью обновить этот прогнивший, закосневший в традициях Великое Ся. Но этот путь слишком долог и одинок, а при дворе полно алчных до выгоды людишек. Лишь такой человек с нестигаемым внутренним стержнем, как господин Хэ, достоин идти со мной рука об руку в качестве спутника.

Их взгляды сошлись, дыхание смешалось.

Хэ Чанвэй чувствовал, как сердце бьется словно барабан, а щеки горят огнем, точно от ожога. Веками укоренявшиеся барьеры между монархом и подданным, градации этикета рушились дюйм за дюймом под напором неприкрытого пылкого взора и властных заявлений собеседника.

— Ван... проявите благоразумие... — с трудом выдавил из себя Хэ Чанвэй, но в его голосе не было ни капли угрозы, напротив, сквозила мягкая, притворно-отрицающая истома.

Чжань Сюйтань тихо рассмеялся и не только не отстранился, но еще плотнее заключил юношу в кольцо между своей грудью и письменным столом, попутно заправляя за ухо выбившуюся прядь темных волос.

— Благоразумие? Выступая на парламентских слушаниях в современном мире, я всегда опирался лишь на правила и козыри, а теперь вот влюбился по-настоящему в господина Хэ — это и есть верх неблагоразумия, — большой палец Чжань Сюйтаня легко оглаживал слегка подрагивающие губы юноши. — Что такое? Неужели после всего пережитого в сердце господина Хэ до сих пор не шевельнулось ни малейшего чувства ко мне?

В комнате колыхалось пламя свечей, отбрасывая на стены две тени, прильнувшие друг к другу.

Хэ Чанвэй закусил нижнюю губу и отвернулся, не решаясь смотреть в глаза, казалось, способные пронзить его насквозь. Перед глазами пронеслись события последних дней: от столкновения лицом к лицу в тронном зале до тайных разговоров в резиденции ванна и сегодняшней волны общественного мнения, вставшего на его защиту.

Этот мужчина, что носил титул регента и вел себя донельзя нагло и властно, самыми грубыми, но в то же время самыми теплыми методами укрыл его под своим крылом.

— Я... знаю лишь одно: если Новая политика увенчается успехом, простой народ избежит тягот скитаний и лишений, — Хэ Чанвэй отвернулся, и его тихий голос звучал с предельной четкостью в каждом слого. — А все остальное... воля ванна, поступайте как знаете.

Чжань Сюйтань довольно рассмеялся, откинулся назад и заложил руки за спину, преисполненный безграничной решимости: — Прекрасно — поступать как знаю! Раз господин Хэ дал свое согласие, то в следующей партии этой игры мы вдвоем вырвем с корнем самую основу столичных аристократических кланов!

Хотя между ними был заключен союз, из-за огромного вороха государственных дел в Управлении министерства финансов у обоих не оставалось времени предаваться личным нежностям. По мере того как Новая политика внедрялась в жизнь, различные группировки в столице начали плести тайные заговоры. Убедившись, что попытка разжечь общественное недовольство провалилась, остатки фракции Роялисты зашли с другой стороны — ударили по путям подвоза продовольствия и торговым налогам, пытаясь посеять экономическую смуту.

Хэ Чанвэй целыми днями пропадал над бесконечными стопками бухгалтерских книг и, используя свой выдающийся математический талант, строку за строкой сверял финансовые доходы и убытки, поступавшие из различных провинций. И каждый раз, когда пламя свечей тускло, а тело одолевала усталость, на его столе неизменно появлялась пиала с горячим ароматным чаем и изысканное пирожное.

Даже не поднимая головы, по едва уловимому шлейфу сандала в воздухе и знакомому давлению легкой щетины он сразу понимал, кто именно пожаловал сюда без лишнего шума.

— У ванна тысяча дел государственной важности, с какой стати вы то и дело заглядываете в министерство финансов? — Хэ Чанвэй опустил кисть, потер уставшие глаза и, хотя в его тоне слышалось легкое ворчание, набросок недовольства на лице отсутствовал напрочь.

— Разве мне нужен особый повод, чтобы навестить собственного главного министра? — Чжань Сюйтань пододвинул стул и уселся напротив, переводя взгляд на тяжелые бухгалтерские книги, и его брови слегка сошлись на переносице. — Налог на торговлю в Цзяннани поступает на тридцать процентов медленнее, чем предполагалось: старые аристократические лисы втайне мутят воду.

Хэ Чанвэй, услышав это, мгновенно сосредоточился, повернулся и вытащил с полки потрепанный толстый фолиант в потертом переплете, с глухим стуком опустив его на стол.

— Налог не взыскивают не потому, что не могут.

Он перевернул несколько страниц, проводя пальцем вдоль аккуратных кистевых пометок киноварью, и его взгляд постепенно холодел.

— Кто-то делает это намеренно, чтобы деньги не поступали в казну.

Бровь Чжань Сюйтаня слегка изогнулась, он протянул руку, взял книгу и бегло пробежал глазами ряды цифр, после чего нахмурился еще сильнее. Будучи опытным современным законодателем, повидавшим в зале заседаний бесчисленное множество бюджетных проверок и махинаций финансовых воротил, он видел в этих старинных записях точно такие же приемы.

Хэ Чанвэй склонился над страницами, указывая на конкретные строки: — Ван, взгляните сюда. В этом году торговые сборы трех цзяннаньских округов внешне почти не отличаются от прошлогодних, но вот сроки поступления средств от соляного промысла, мануфактур и речного судопроизводства совпали с точностью до дня. С виду всё выглядит так, будто торговые пути заблокированы непогодой, но на деле кто-то умышленно дробит потоки товаров, а затем перекрывает их взаимными зачетами по местным налогам.

Он перевернул еще пару страниц и извлек на свет вспомогательную ведомость:

— Если бы дело было лишь в нарушении путей сообщения, в трех округах не могли бы образоваться абсолютно идентичные прорехи. И тем более не могли бы цифры, поданные из разных уездов, так идеально сходиться друг с другом.

Хэ Чанвэй поднял глаза на собеседника и холодно бросил: — По мнению ванна, какой из местных чиновников осмелился бы бросить вызов небесам и свести воедино бухгалтерские книги трех столь крупных округов?

Чжань Сюйтань вгляделся в строки, и его прежде праздное выражение лица постепенно сменилось профессиональной остротой проверяющего.

— Перекрестное субсидирование и манипуляции с денежными потоками, — Чжань Сюйтань постучал пальцами по столу и холодно произнес: — Кто-то ведет двойную бухгалтерию по сложной схеме.

— И делает это далеко не один человек.

Хэ Чанвэй всегда ставил государственные законы и престиж державы превыше всего, и каждое его слово теперь звучало с тяжеловесной уверенностью, лишенной прежних колебаний.

— Перед нами разветвленная сеть интересов, которая функционирует уже не первый год.

Чжань Сюйтань вперил взгляд в книгу, его рассеянность испарилась без следа, уступив место цепкой хватке дознавателя.

Встретив его пылкий взор и проявляя присущую чиновникам-пуристам осторожность, Хэ Чанвэй произнес холодный аналитический разбор: — Цзяннань — исконная вотчина знатных кланов, в их руках сосредоточены все нити соляной и железной промышленности. Если действовать сгоряча и требовать уплаты налогов одной лишь силой административного приказа, без неопровержимых доказательств коррупции, это неизбежно спровоцирует бунты на местах.

— Чего бояться? Реформа торговых налогов — это ядро Новая политика, — холодно усмехнулся Чжань Сюйтань, приняв вид искушенного политика, за спиной которого стоит парламентское большинство. — Современные финансовые рычаги строятся на контроле денежных потоков и прозрачности налоговой базы. Раз они осмеливаются перекрывать нам продовольственные пути, у меня хватит инструментов экономической политики, чтобы разрушить их монополию до основания. Господин Хэ, завтра вы поедете со мной в Торговая палата Южного города, навестим этих цзяннаньских толстосумов.

Хэ Чанвэй нахмурил брови и покачал головой: — За Торговой палатой стоят влиятельные кланы и придворная знать. Являться туда с голым чиновничьим апломбом — значит заведомо обречь себя на провал.

Глаза Чжань Сюйтаня сузились, блеснув хищным светом: — Покорности никогда не добиваются одним лишь служебным положением — ее выбивают жестким столкновением интересов и холодным расчетом козырей.

В кабинете на мгновение воцарилась тишина.

Чжань Сюйтань вернулся к первым страницам, вглядываясь в ряды ничем не примечательных на первый взгляд цифр, и вдруг тихо усмехнулся.

— А глаза у вас, господин Хэ, острее, чем я предполагал.

Хэ Чанвэй не поддержал шутку и лишь сухо ответил: — Бухгалтерские книги — это лишь верхушка айсберга. Если ван действительно вознамерился сокрушить кланы Цзяннаня, нам не хватает еще одной вещи.

— Чего же?

— Причины, по которой они сами полезут в ловушку.

Чжань Сюйтань поднял глаза.

Их взгляды вновь столкнулись в дрожащем свете свечей.

Мгновение спустя уголки его губ поползли вверх.

— Хорошо.

Он захлопнул фолиант, стукнув костяшками пальцев по переплету.

— Значит, мы предоставим им этот шанс.

Хэ Чанвэй слегка повел бровой: — И как же ван намерен поступить?

Чжань Сюйтань не стал отвечать сразу, лишь подвинув книгу обратно к нему.

За окном прозвучал удар ночной стражи, осенний ветер заставил пламя свечи затрепетать, вытянув тени обоих в длинные переплетенные силуэты.

Глядя на уверенность на лице собеседника, Хэ Чанвэй почувствовал, как в груди поднимается волна отчаянной решимости бросить вызов судьбе.

— Раз ван принял решение, этот подчиненный готов идти до конца и лично пробить брешь в счетах торговой палаты.

В колеблющемся свете свечей шелест переворачиваемых страниц звучал в ночной тишине особенно отчетливо. Чжань Сюйтань поставил последнюю пометку киноварью подле фитиля и глухо произнес: — Завтра в палате все делаем по прежнему плану.

Хэ Чанвэй коротко отозвался и принялся аккуратно раскладывать тома по полкам. За окном расстилалась непроглядная ночная тьма, они переглянулись, но больше не произнесли ни слова.

Некоторые шахматные партии уже были запущены.

Торговая палата Южного города объединяла богатейших купцов столицы и всего юга страны. Привыкшие смотреть на всех свысока, они ни в грош не ставили столичных чиновников.

Ранним утром скромная, но роскошная карета остановилась у дверей палаты. Чжань Сюйтань в штатском платье, держа Хэ Чанвэя за руку, переступил порог главного зала. Глава палаты встретил их с дежурной улыбкой, в которой, впрочем, отчетливо сквозили высокомерие и

подозрительность.

— Приветствую регента, — глава палаты изобразил небрежный поклон, скользнув взглядом по Хэ Чанвэю, и с сарказмом произнес: — Не смею знать, какими судьбами ван пожаловал в нашу скромную обитель? Уж не опустела ли имперская казна, раз вы решили в очередной раз принудительно трясти с купцов пожертвования?

Чжань Сюйтань сохранял невозмутимость. Он неторопливо уселся на предложенное место, в то время как Хэ Чанвэй тихонько встал за его левым плечом.

— Пожертвования? Глава палаты слишком высокого о мне мнения, — Чжань Сюйтань сделал глоток из пиалы, ведя беседу в размеренном темпе. — Сегодня я здесь не для того, чтобы просить, а чтобы предложить вам несметные богатства и заключить одну выгодную сделку.

— О? Богатства? — усмехнулся глава палаты. — Мои дела идут неплохо, но ввязываться в сделки с регентом я не осмелюсь.

— Сначала выслушайте правила, а потом решайте, стоит ли игра свеч, — Чжань Сюйтань поставил чашку, и его взгляд пронзил собеседника словно лезвие ножа. — Двор намерен открыть пятилетнюю эксклюзивную концессию на Южный порт и учредить новый торговый порт под совместным управлением казны и купцов. Все участники получают трехлетнее освобождение от налогов, но с одним условием: любые операции должны проводиться через новые цифровые регистры министерства финансов.

Стоило этим словам прозвучать, как лица нескольких крупных купцов в зале резко переменились. Новые регистры означали, что все скрытые активы и контрабандные каналы окажутся на поверхности — разве могли аристократические кланы с этим смириться?

— Ван пытается перекрыть нам кислород! — глава палаты ударил ладонью по столу и рявкнул: — Без поддержки купечества цены на зерно и ткани в столице взлетят вдвое уже завтра! Какими бы властными полномочиями ни обладал регент, вам не удастся подмять под себя весь торговый мир!

— Угрожаете мне? — Чжань Сюйтань резко поднялся, и ужасающая давящая аура человека, привыкшего повелевать, мгновенно заполнила все пространство. Он шагнул к главе палаты и холодно процедил: — Я сумел вознести на пьедестал чиновника силой общественного мнения, так же легко могу отправить вас, паразитов и кровопийц, на плаху железным законом. Хотите проверить? Давайте проверим, что взлетит быстрее — цены на ваше зерно или скорость, с которой мои стражники Цзиньивэй примутся описывать ваше имущество!

Невидимый холод убийственного намерения придавил купцов так, что они не смели даже вздохнуть. Хэ Чанвэй стоял рядом, наблюдая, как лицо главы палаты постепенно бледнеет.

Наконец, под двойным ударом абсолютной силы и соблазна несметных барышей глава палаты

рухнул в кресло с пепельным цветом лица, больше не смея произнести ни единого слова.

На обратном пути в резиденцию карета плавно покачивалась на ухабах, и Хэ Чанвэй, повернувшись к сидевшему рядом с закрытыми глазами мужчине, тихо произнес: — Сегодняшний шаг пусть и заставил купцов замолчать, но ответный удар кланов будет лишь яростнее. Есть ли у вас дальнейший план?

Чжань Сюйтань открыл глаза, и в глубине его темных зрачков промелькнула улыбка. Он протянул руку и бесцеремонно притянул юношу к себе, заставив того испуганно выдохнуть.

Чжань Сюйтань отвел взгляд от бухгалтерских книг, посмотрев на возродившуюся острую искру в глазах спутника, сделал глоток чая и подумал про себя: с таким первоклассным стратегом, как господин Хэ, ему точно не о чем беспокоиться.

Тут же он подвинул толстую книгу поближе к нему. Заметив, что Хэ Чанвэй хочет что-то сказать, он резко подался вперед, положив подбородок на плечо юноши и легко пощекотав его шею жесткой щетиной, с тихим смешком прошептал: — Вместо дел торговой палаты меня сейчас куда больше волнует совсем другая сделка.

— Какая еще сделка? — щеки Хэ Чанвэя порозовели, и он рефлекторно попытался отстраниться.

— Разумеется... сделка за сердце вашей светлости, — Чжань Сюйтань сжал объятия, заперев его в теплом коконе, пока за стенками кареты кипела столичная жизнь, а внутри царило полное уединение.

Пламя свечей за окном постепенно угасало, а партия на доске была в самом разгаре. Глядя на невозмутимое лицо мужчины, Хэ Чанвэй вдруг осознал, что грандиозный чертеж переустройства устоев Великого Ся показал лишь самую свою верхушку. Глубокая, скрытая сила контроля, источаемая собеседником, притягивала неотвратимо. А их взаимные негласные притяжения и перетягивания каната в этот самый момент пустили глубокие корни.

Наступили сумерки, и Резиденция регента сияла огнями. В кабинете на тяжелом столе из ценных пород дерева лежали горы финансовых ведомостей и налоговых таблиц. Чжань Сюйтань сидел во главе стола, сжимая в руке кисть для письма, но слегка морщился от непривычки к древней технике мазков.

Будучи искушенным современным законодателем, Чжань Сюйтань привык к презентациям на экранах, анализу больших данных, перекрестным сверкам и точным соцопросам, с помощью которых он громил оппонентов в парламентском зале. Здесь же, перед лицом переплетенных интересов знати и бесконечных фальшивых отчетов бюрократической машины Великого Ся, старые методы казались ему верхом неэффективности.

Хэ Чанвэй молча стоял рядом, проверяя строчку за строчкой красными чернилами. Свет свечи

падал на одухотворенный профиль молодого человека, покрывая его мягким золотистым сиянием.

— Ван хмурится — неужели в расчетах снова что-то не так? — поднял глаза Хэ Чанвэй.

— Сами по себе цифры сносны, беда в том, что способ их составления безнадежно устарел, — Чжань Сюйтань бросил кисть в лоток для промывки, издав звонкий стук, и чуть нахмурился. — Подобная приходно-расходная летопись не отражает реального движения денег. У нас принято опираться на стандарты прозрачной бухгалтерии и динамический бюджет. Элита ворует именно потому, что пользуется информационной асимферей и расплывчатостью традиционных регистров.

Такой способ учета в современном мире не прошел бы даже первичный финансовый аудит. Каждое ведомство пишет по своим лекалам, единого формата нет и в помине — вздумай кто проверить счета, черта с два поймешь, с какого конца за них браться.

Чжань Сюйтань на мгновение задумался, решив не сыпать непонятными для Хэ Чанвэя терминами, а выразиться проще:

— То, сколько знает ведущий счета и сколько проверяющий — две совершенно разные вещи.

Хотя эти современные финансовые понятия были в новинку для Хэ Чанвэя, он, слегка замернув, уловил суть. Прочитав горы трактатов и старых отчетов министерства финансов, он никогда прежде не смотрел на бухгалтерское дело под таким углом.

Хэ Чанвэй снова опустил взгляд на развернутые свитки, но нахмуренные брови не разгладились, а лишь сильнее сошлись на переносице.

Чжань Сюйтань указал пальцем на строчки в книге.

— До тех пор, пока человек с пером в руке сам решает, что записывать, а что утаивать и какими проводками перекрывать недостатки, проверяющий будет видеть лишь то, что ему соизволят показать.

Взгляд Хэ Чанвэя замер, кончик пальца уперся в одну из колонок. Мгновение спустя чиновник, словно озаренный догадкой, прошептал: — Выходит... проблема не просто в фальсификации цифр.

Хэ Чанвэй поднял глаза, и в них промелькнуло понимание.

— Сама система ведения счетов оставляет лазейку для подлогов?

— Выходит, нужно вводить единый стандарт первичных документов и жесткий аудит?

— Именно так! — Чжань Сюйтань просиял, вскочил со стула и зашагал по кабинету. — Реформы не должны оставаться на бумаге. Я намерен внедрить древний аналог закона о бюджете, прописав движение каждого лян до уезда. Всякий, кто посмеет присвоить казенный грош, станет врагом всех налогоплательщиков империи.

— Подобной решимости отважились бы позавидовать мужи древности, — с легким вздохом произнес Хэ Чанвэй, и в его голосе прозвучало нескрываемое восхищение. — Только вот кланы опутались корнями по всей стране, и если полностью обнажить их доходы, это все равно что выбить у них миски из рук. Ответный волн будет такой силы, что нас снесет в мгновение ока.

— Бойтесь их ответного удара? — холодно усмехнулся Чжань Сюйтань, широко шагнул к Хэ Чанвэю и уперся обеими руками о столешницу, заключив юношу в тиски между своей грудью и краем стола. — Перед лицом абсолютной власти и больших данных любое сопротивление — лишь бумажный тигр. Господин Хэ, нам предстоит прочитать этим закосневшим ретроградам наглядную лекцию по политической экономии.

Столь близкое расстояние заставило Хэ Чанвэя затаить дыхание. Мужское тепло и легкий шлейф сандала обдали его лицо. Короткие жесткие щетинки в неверном свете свечи казались осязаемыми, порождая опасную волну гормонального напряжения, от которой сердце пускалось в пляс.

— Ван... мы на службе, держите дистанцию, — щеки Хэ Чанвэя залились румянцем, голос невольно смягчился, а взгляд испуганно метнулся в сторону.

— Служебные дела закончены, теперь время личных, — Чжань Сюйтань наклонился ближе, и его горячее дыхание коснулось ушной раковины юноши. — Я избавил ведомство от головной боли с Цзяннаньской палатой, разве главный министр не должен выдать заслуженную награду?

— Какую... награду? — сердце Хэ Чанвэя колотилось птицей в клетке, спина уперлась в прохладную стену.

— Например... поддержать мое предложение в ходе парламентской симуляции, — уголки губ Чжань Сюитаня изогнулись в лукавой улыбке, а голос стал бархатным и низким. — Кто не возражает — тот согласен.

Хэ Чанвэй слушал этот шепот на грани фолы, и грудь его тяжело вздымалась. Под натиском столь близкого присутствия ладони покрылись испариной.

Взгляды столкнулись в дрожащем пламени, негласное согласие разлилось по комнате, и натянутые струны обороны лопнули одна за другой.

Заметив дрожь на ресницах юноши, Чжань Сюйтань склонился и коснулся губами его прохладных губ, проглатывая любые слова возражения.

Хэ Чанвэй выдохнул сбивчато, но отталкивать не стал — позволил этой волне тепла полностью захлестнуть себя, а пальцы сами собой судорожно сжались на лацканах чужого платья. В комнате воцарилась тишина, отрезая их от бушующих за окном дворцовых бурь.

Ранним утром на утреннем докладе в Зал Тайцзи атмосфера стояла тяжелая, свинцовая.

Остатки группировки роялистов, объединившись с несколькими сановниками третьего ранга, вышли из шеренг во время утренней аудиенции и перешли в открытое наступление. Главный цензор, взмахнув мемориалом, с пафосом и праведным гневом обвинил регента в том, что тот попирает свободу купечества и расшатывает основы государства.

— Регент узурпировал власть, своевольно навязывая торговой палате кабальные регистры! Это грабеж народа и движение против течения истории! — гремел Главный цензор, падая на колени и касаясь лбом плит пола. — Умоляю Ваше Величество отменить приказ и сурово наказать зарвавшегося смутьяна!

Маленький император на драконьем троне задрожал от страха, беспомощно переводя взгляд на Чжань Сюйтаня.

Сам же Чжань Сюйтань сохранял невозмутимость, походя на зрителя в театре. Он неторопливо вышел из строя сановников, окинул взглядом разъяренных консервативных чиновников и позволил уголкам рта искривиться в издевательской усмешке.

— Грабеж народа? — холодно рассмеялся Чжань Сюйтань, и эхо раскатилось под сводами зала. — Тот народ, о котором распинается Глава цензора — это нищие крестьяне, не способные заплатить налог, или те самые цзяннаньские монополисты соли и железа, что богаче самой казны?

— Ты... — Главный цензор подавился словами, его лицо пошло багровыми пятнами. — Семьи аристократов — основа Великое Ся, а заветы предков нарушать нельзя!

— Заветы предков? — Чжань Сюйтань подался вперед, и давящая аура правителя заставила сановника испустить вздох. — Времена изменились, господин. Если бы заветы предков позволяли накормить людей и наполнить казну для помощи голодающим, я бы чтил их первый. Но то, что вы называете заветами — лишь убежище для коррупционеров!

В тронном зале воцарилась мертвая тишина, чиновники притихли, не смея поднять глаз на Чжань Сюйтаня.

Хэ Чанвэй стоял во главе шеренги чиновников некоррумпированной фракции, распрямив

спину, и держал в руках белую книгу нового финансового бюджета, которую Министерство финансов второпях составило за минувшую ночь. Вовремя выйдя из строя, он звонко произнес:

— Помощник министра финансов Хэ Чанвэй поддерживает петицию! Государственные налоги должны быть прозрачными, и если даже счета не смеют выставить на свет, то чего же они так боятся?

С поддержкой Хэ Чанвэя, известного в Министерстве финансов непревзойденным искусством счета, обвинения роялистов мгновенно лишились юридических оснований.

Чжань Сюйтань с довольным видом бросил на Хэ Чанвэя взгляд, а затем повернулся к собравшимся при дворе гражданским и военным чиновникам. Его тон был ледяным и властным:

— Сегодняшнее обсуждение не терпит возражений. Согласные встают налево, несогласные поднимают руки. Что ж, никто не поднял руку, законопроект принят!

Современная высокоэффективная процедура парламентского голосования была насильно перенесена в зал древних императорских сборов, отчего Главу цензората прямо на месте бросило в темноту перед глазами, и он едва не лишился чувств.

После завершения утреннего доклада солнечный свет залил дворцовые коридоры.

Чжань Сюйтань шел впереди, заложив руки за спину, а Хэ Чанвэй быстрым шагом следовал за ним. Они бок о бок неспешно прогуливались под красными стенами и золоченой черепицей.

— Сегодня во дворецких палатах слова ван действительно принесли облегчение. — Хэ Чанвэй искоса взглянул на стоявшего рядом мужчину, и в его глазах мелькнуло искреннее одобрение. — Только вот после этого столкновения аристократические семьи, боюсь, пойдут на отчаянный шаг.

— Пусть идут на отчаянный шаг, так даже лучше. — Чжань Сюйтань остановился, повернулся к Хэ Чанвэю, и его взгляд был глубок, как море. — Если не загнать их в тупик, как же вырвать их с корнем? Этот ван намерен использовать открытую стратегию и шаг за шаг полностью лишить власти эту кучку закостенелых стариков.

Ощущая уверенность и железную хватку, исходившую от собеседника, Хэ Чанвэй почувствовал, как развеялась последняя капля тревоги в его сердце.

Пока за дело берется ван, эта древняя империя Великое Ся, пожалуй, и вправду сможет дождаться подлинного перерождения из пепла.

Хэ Чанвэй отвел взгляд от бухгалтерских книг и перевел его на сидевшего напротив невозмутимого и спокойного мужчину, ощутив в душе невыразимый прилив чувств.

— Раз так, этот подданный составит ван компанию в этой партии.

Чжань Сюйтань подвинул к нему толстые гроссбухи, лежавшие на столе, и постучал костяшками пальцев по обложке.

— Что ж, будем ждать и смотреть, кто рассмеется последним.